

М. В. Шибаев

Красноярск, Россия

М. V. Shibaev

Krasnoyarsk, Russia

РОССИЙСКОЕ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Аннотация. Рассматривается проблема лингвистического анализа российского антиэкстремистского законодательства.

Ключевые слова: язык закона; экстремизм; лингвистический анализ; лингвопрагматический анализ.

Сведения об авторе: Шибаев Михаил Валерьевич, ассистент кафедры общего языкознания.

Место работы: Красноярский государственный университет им. В. П. Астафьева.

Контактная информация: 660049, г. Красноярск, ул. Лебедевой, 89.

e-mail: shibaev.m.v@mail.ru.

RUSSIAN ANTI-EXTREMISM LEGISLATION

IN A LINGUISTIC INTERPRETATION

Abstract. This article focuses on the problems of linguistic analysis of Russian anti-extremism legislation.

Key words: language of law; extremism; linguistic analysis; linguistic and pragmatic analysis.

About the author: Shibaev Mikhail Valerievich, Assistant Lecturer of the Chair of General Linguistics.

Place of employment: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev.

89.

Не секрет, что в современном обществе критика правовых норм, связанных с явлением экстремизма, весьма распространена, однако содержание такой критики в большинстве своем неконкретно и сводится к спорам по поводу правомерности тех или иных судебных разбирательств. Не отрицая важности изучения практики закона, хотелось бы отметить, что для конструктивного диалога в этой области важна и другая сторона — теория, оформленная в правовом тексте, на анализе которой мы и стараемся сконцентрироваться.

В данной статье мы исключим из сферы рассмотрения те аспекты критики, которые относятся к юридической стороне законотворчества, и постараемся акцентировать внимание лишь на тех, рассмотрение которых, в силу профессиональной компетентности, доступно лингвисту. Оговоримся также, что лингвистический анализ, представленный здесь, основан на синхроническом подходе, т. е. учитывает только текущую редакцию правовых норм. Наконец, последнее уточнение: под «антиэкстремистским законодательством» мы, согласно сложившейся традиции, понимаем ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и основные «инструменты наказания» за подобную деятельность — статьи 280 и 282 УК.

В работе А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика» мы встречаем следующее совершенно справедливое замечание: «Язык области права (в широком понимании) включает термины двух основных типов: термины (слова или словосочетания), получающие определение в рамках соответствующих российских законов или в решениях Верховного или Конституционного судов РФ, и термины, определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют» [Баранов 2007: 20]. Вслед за автором обозначим первые юридически определяемыми

терминами, а вторые — лингвистически определяемыми терминами. В рамках этой классификации *экстремизм* является термином юридически определяемым, поскольку его толкование дано в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В последней редакции закона (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) под *экстремизмом* (экстремистской деятельностью) понимается (текст определения приводится не полностью):

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Далее мы подробнее рассмотрим некоторые аспекты этого определения, а пока отметим лишь один существенный факт: толкование термина *экстремизм* построено на основе принципа перечисления частных, конкретных случаев экстремизма (весьма, стоит заметить, неоднородных). Родовые признаки, определяющие сущность понятия, не акцентируются, что подводит нас к вопросам: на основании чего были подобраны эти частные случаи? Какие признаки свойственны рассматриваемому явлению вообще, если его конкретные проявления настолько разнообразны? Структура дефиниции представляется размытой, что, хотя и не затрудняет правоприменение, усложняет закрепление лексемы в языковом сознании русскоговорящих: ведь если экстремизм как понятие до конца не осознан, как может он найти вербальное выражение?

Возвращаясь к уже озвученному тезису о двух типах терминов языка права, стоит отметить, что термины юридически определяемые хотя и имеют четкую и однозначную (в идеале, разумеется) дефиницию, в неправовой коммуникации, как правило, функционируют и в другом значении. Законодатели не изобретают новые вербальные знаки, они просто заимствуют те или иные лексемы языковой семиотики и наполняют их новым содержанием. Язык закона должен не допускать возможности разных толкований, однако источник заимствований — естественный язык — совершенно неизбежно полиинтерпретативен, поэтому любой юридический термин потенциально несет в себе «бунтарский дух» языка, содержит множество значений, отличающихся оттенками смысла и различными коннотациями. Эта амбивалентность природы юридически определяемых терминов (тяга к однозначности и многозначности одновременно) затрудняет их использование, усиливает требование учета коммуникативной ситуации, без понимания которой участники общения не могут быть уверены, что их поймут правильно. Наиболее ярко эти проблемы проявляются в словах, смысловое наполнение которых в быденном и юридическом языках сильнее всего различается. К числу подобных лексем относится и *экстремизм*.

В толковых словарях русского языка это слово имеет следующее определение:

ЭКСТРЕМИЗМ (от лат. *extremus* — крайний). Приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике) [Большой толковый словарь русского языка 2000; Словарь русского

языка 1985-1988; Новый словарь русского языка 2000; Толковый словарь русского языка 1995].

Уточним также значение слова *приверженность*:

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ. Свойство по знач. прил. *приверженный*.

ПРИВЕРЖЕННЫЙ (кому-чему). Являющийся неизменным сторонником кого-, чего-л.; преданный, верный [Большой толковый словарь русского языка 2000; Словарь русского языка 1985—1988].

Рассмотрим подробнее отдельные семантические и коннотационные компоненты значения слова *экстремизм* в общем и в собственно юридическом употреблении.

- *Экстремизм* в праве понимается как **деятельность** («насильственное изменение», «публичное оправдание», «нарушение прав»), *экстремизм* в быденном языке относится скорее к **позиции человека и его взглядам**.

- *Экстремизм* юридический **противоправен, т. е. отступает от нормы закона** (ответственность за экстремистскую деятельность предусмотрена Уголовным кодексом РФ), *экстремизм* в быденном языке тоже **отступает от нормы, но уже нормы этической и нормы конформного поведения**.

- *Экстремизм* как термин, обозначающий преступные действия, наделен ярко выраженными **негативными коннотациями** (по крайней мере, в группе законопослушных граждан), *экстремизм* же в значении «приверженность к крайним взглядам» **более нейтрален**. Норма взглядов, мнений, в отличие от нормы закона, не является строго закрепленной и варьируется в различных ситуациях и социальных группах. Так, например, замещение номинации «октябрьский переворот» «Великой Октябрьской социалистической революцией» говорит нам о том, что явление, изначально рассматриваемое как экстремистское, с изменением исторической ситуации перестало видаться таковым. В связи с этим неправовое употребление слова *экстремизм* оказывается, как правило, связано с менее категоричной негативной оценкой чего-либо.

Таким образом, мы видим, что значения термина *экстремизм* в двух видах коммуникации — юридической и быденной — значительно отличаются, что на практике может привести общающихся в рамках разных парадигм людей к ситуации коммуникативной неудачи. Все это актуализирует вопрос: имело ли смысл вводить в текст закона новый термин, придавая ему столь отличное от первоначального значение? Не стоит ли задуматься о целесообразности его использования или хотя бы дать такое определение, которое может прояснить сущность самого явления?

Далее обратимся к не менее спорному моменту: что означает фраза «возбуждение социальной, национальной или религиозной роз-

ни»? Интуитивно понятно, что такая формулировка подразумевает наличие различных групп людей, объединенных по определенному признаку (социальному, национальному или религиозному). Рассмотрим эти группы подробнее.

1. Религиозная группа, т. е. группа людей, связанных по признаку их отношения к религии. Однако возникает сложность: какое из значений слова *религия* имелось в виду? В широком смысле эта лексема означает «совокупность представлений, основанных на вере в существование высших сил» [Новый словарь русского языка 2000], в более узком — то или иное вероисповедание. Эти два значения обуславливают наличие двух подходов к толкованию закона, весьма различных по своему содержанию. С одной стороны, «религиозная рознь» может пониматься как рознь между группами людей, по-разному относящихся к существованию определенного бога или идее существования бога вообще, с другой — как межконфессиональная рознь. Е. И. Галяшина в своей работе «Лингвистика vs экстремизма» отождествляет религиозную группу с конфессиональной, что кажется нам не совсем верным. В рамках такого узкого понимания возникает вопрос: как трактовать такие группы людей, как «атеисты», «кафиры» (мусульм. «неверные»), «гои» (иуд. «неверные»)? Атеизм (несмотря на расхожее мнение, что отсутствие веры в Бога есть вера в его отсутствие) не является конфессией, а «неверные» могут как представлять разные религии, так и не верить в Бога вообще. Очевидно, что вражда адептов одной веры с людьми, которые их веру не разделяют, имеет ярко выраженную религиозную подоплеку, соответственно и враждующие группы должны обозначаться как религиозные, несмотря на конфессиональную гетерогенность. Широкое понимание термина «религиозная группа», на наш взгляд, более логично и оправданно, однако в современном правоприменении менее распространено.

2. Социальная группа. Одна из наиболее неоднозначных номинаций. Отсутствие уточнения данного словосочетания в рамках закона отсылает нас к одному из возможных путей толкования: социологическому или лингвистическому. В социологических источниках часто встречается следующее определение термина: «совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом на основе разделяемых ожиданий каждого члена группы в отношении других» [Фролов]. Существует и более широкое понимание, согласно которому к социальным группам относятся, в частности, матери-одиночки, подростки [Кравченко], пенсионеры, миллионеры [Добренков, Кравченко], то есть общности людей, не обязательно взаимодействующие друг с другом. На наш взгляд, социологическое рассмотрение этой проблемы не является разумным. Исходя из постулата прозрачности (т. е. понятности) закона для рядовых граждан и очевидной идеи о том, что

большинство людей, населяющих страну, не является носителем научного социологического знания, можно сделать вывод, что лингвистическое толкование более приемлемо, так как знание языка (на уровне носителя) имеется у всех россиян и именно оно, это знание, в первую очередь определяет понимание нормативных документов.

С точки зрения лингвиста социальной группой можно считать любую группу как составную часть общества. В таком случае группы национальные, расовые, религиозные и т. д. будут являться гипонимами по отношению к рассматриваемому понятию.

Другое, более узкое понимание предлагают Л. А. Араева и М. А. Осадчий: «совокупность человеческих индивидов, объединенных социальными (неприродными, небиологическими) признаками, как то: профессия, политические и философские убеждения, хобби, стиль жизни, место проживания и т. п.» [Араева, Осадчий 2007: 212]. Но ведь даже такой «суженный» вариант определения является поистине всеохватывающим. Таким образом, под определение «разжигание социальной розни» теоретически можно подвести практически любое возбуждение вражды между любыми общностями людей.

3. Национальная группа. Вопрос, возникающий при оценке данного термина: мотивировано ли слово *национальная* принадлежностью к одной национальности или одной нации? В первом случае такая группа будет пониматься как этническая (наиболее распространенный правоприменительный подход), во втором — как полиэтническая (в основном) группа, возникшая на базе языка, территории, культуры. В одном случае перед нами этнос, в другом — «суперэтнос» (в терминологии пассионарной теории этногенеза). Два этих определения конфликтуют друг с другом и рожают недопонимание: неясно, что следует считать денотатом термина. Типичный пример денотата *национальной группы* в первом значении — это «русские», во втором — «россияне». Возможно, в данном случае интуитивно более понятным было бы использование формулировки «по признаку национальности человека и его гражданской принадлежности» вместо «по признаку национальной принадлежности».

Еще один спорный момент — слово *рознь*, употребляющееся в тексте федерального закона. Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой толкует эту вербальную единицу как «вражда, ссора», толково-словообразовательный словарь Т. Ф. Ефремовой добавляет еще один синоним — «несогласие». Учитывая рассмотренную выше широту понятия «социальная группа», можно сказать, что формально любые действия, способные привести к появлению несогласия между какими-либо группами людей, можно обозначить как экстремистские. В лингвопрагматическом аспекте слово *рознь* хотя и выра-

жает идею конфликта между общностями людей, не обладает в достаточной степени сильными и яркими негативными коннотациями, чтобы дать понять читающему, насколько силен конфликт, о котором идет речь. Формулировка «возбуждение ненависти или вражды» из 282 статьи Уголовного кодекса была бы удачней, так как за счет экспрессивной окрашенности лучше бы выражала идею «сильного конфликта».

Не избежал текст закона и своего рода порочных кругов, предельно расширяющих понимание противоправной деятельности. В частности, под экстремизмом понимается «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность». Слова *и иная террористическая деятельность* подразумевают, что оправдание рода действий X есть разновидность действий X, но из этого следуют неизбежные рекурсии вида «оправдание оправдания оправдания терроризма», все элементы которых будут считаться преступлениями. Другой порочный круг скрыт в определении экстремистских действий как «содействия в их (таких действий — М. В.) организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг». С учетом неопределенности такого содействия и отсутствия уточнения о его прямом умысле при гипотетической ситуации признания книги автора А экстремистской может произойти следующее:

- Признание экстремистской компании «Б» в связи с тем, что она спонсировала издание книги.
- Признание экстремистским издательства «В», напечатавшего книгу.
- Признание экстремистским магазина «Г», продававшего книгу.
- Признание экстремистским рекламного агентства «Д», рекламировавшего книгу.

И далее, как следствие того, что содействие содействию экстремизму суть экстремизм:

- Признание экстремистской деятельности банка «Е» по оказанию услуг кредитования компании «Б» в целях спонсирования издания книги.
- Признание экстремистской деятельности художника Ж, оформившего обложку книги для издательства «В».
- Признание экстремистским периодического печатного издания «З», опубликовавшего рекламу магазина «Г».
- Признание экстремистской деятельности организации «И», распространявшей рекламные буклеты книги по заказу рекламного агентства «Д».

Этот список в принципе можно продолжать до бесконечности.

Еще один важный аспект федерального закона «О противодействии экстремистской дея-

тельности» — использование категорий *угроза* и *призыв*, уже традиционно рассматриваемых в современной юрислингвистике в рамках теории речевых актов.

По мнению К. И. Бринева, *угроза* как речевой акт характеризуется наличием «перлокутивного эффекта угрозы» (т. е. обладает признаком «реальности») и «содержит констатацию намерений говорящего при условии невыполнения слушающим требуемого от него говорящим» [Бринев 2009а]. У него же находим и описание формулы *угрозы*:

А. Думаю, что ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое.

Б. Думаю, что ты знаешь (или можешь думать), что я могу сделать тебе нечто плохое.

В. Хочу, чтобы ты знал (думал), если ты сделаешь X, то я тебе сделаю нечто плохое.

Г. Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.

Д. Говорю это для того, чтобы ты не делал X [Там же].

Здесь кроется весьма спорный момент: с одной стороны, включение пункта Б кажется весьма логичным, ведь угроза должна быть правдоподобной, с другой — уточнение в статье 119 УК: «...угроза... если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы», — подразумевает, что в подъязыке права явление угрозы обязательной правдоподобностью не обладает, иначе формулировка была бы избыточной. Стоит признать, что для большей прозрачности и избавления правового текста от потенциальной многозначности не помешало бы уточнение «реальности» угрозы, наподобие упомянутого выше.

Наиболее удачное и исчерпывающее определение термина *призыв*, на наш взгляд, было дано А. Н. Барановым. Под призывом он понимает «речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [Баранов 2007: 420]. Структуру речевого акта призыва можно представить следующим образом:

А. Хочу, чтобы было X.

Б. Знаю, что X не может произойти само.

В. Знаю, что если делать Y, то возможно, что будет X.

Г. Знаю, что ты знаешь, что делать, чтобы было X.

Д. Знаю, что если буду говорить тебе, что необходимо, чтобы было X, возможно, что ты будешь делать так, чтобы было X.

Е. Говорю тебе: необходимо, чтобы было X.

Ж. Говорю это тебе для того, чтобы ты делал так, чтобы было X [Бринев 2009: 140—141].

Единственный не до конца ясный момент в толковании понятия призыва — это степень воздействия такого побуждения. Оставляет ли он за адресатом определенную свободу в принятии решения, как, например, некоторые другие побудительные речевые акты (совет или предложение), или требует безусловного исполнения? Более вероятным все-таки кажется второй вариант.

Обозначив свою точку зрения относительно понимания федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», обратимся и к основным «инструментам наказания» за экстремизм — статьям 280 и 282 УК РФ, первая из которых описывает наказание за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», а вторая за «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации». Другими словами, статья 282 регулирует определенный вид экстремизма, называемый в американской юридической традиции «преступления ненависти» (англ. hate crimes), а статья 280 — призывы к совершению любых экстремистских деяний (в том числе и «преступлений ненависти»). С учетом того, что в формулировке ФЗ призывы к экстремизму тоже являются экстремизмом, область применения данных статей можно обозначить так:

– ст. 280. Призывы к X (= X);

– ст. 282. Y, вид X,

где X — экстремизм, а Y — «преступления ненависти».

Из данного схематического обозначения несложно придти к выводу, что в определенных случаях (а конкретно в ситуации призыва к Y) преступление будет находиться одновременно в «области полномочий» и первой и второй статьи, вследствие чего правоприменение может существенно усложниться.

Подводя итоги, скажем, что высказанная критика является попыткой конструктивного диалога по оптимизации текста антиэкстремистского законодательства и, шире, языка закона вообще. Современная тенденция к нивелированию роли языкознания в формулировании правовых норм приносит горькие плоды: законы выходят в жизнь «сырыми», оставляя интерпретаторам всевозможные лазейки. Чем серьезнее противоправное явление, тем больший вред может принести несовершенство формы вербального выражения, а ведь действия, обозначающие экстремистскими, являются одними из наиболее общественно опасных. Хочется надеяться, что в будущем языковое описание явления экстремизма будет более изящным,

пока же придется признать, что на данном этапе «эти формулировки можно толковать — при желании — почти неограниченно широко» [Васильев 2006: 8].

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л. А., Осадчий М. А. Экспертно-лингвистическая идентификация социальной принадлежности при расследовании преступлений предусмотренных статьей 282 УК РФ // Юрислингвистика-8: русский язык и современное российское право. 2007. С. 211—215.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000.

Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов : сайт. 2009а. URL: <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-46> (дата обращения: 24.01.2011).

Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза / под ред. Н. Д. Голева ; АлтГПА. — Барнаул, 2009б.

Васильев А. Д. Современное российское языковое законодательство: юрислингвистический анализ и комментарии / Сибирский юридический институт МВД России. — Красноярск, 2006.

Верховский А. Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Информационно-аналитический центр «СОБА» : сайт. 2008. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2008/05/d13425/> (дата обращения: 10.01.2011).

Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. М. В. Горбаневского. — М.: Юридический мир, 2006.

Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология: для специализирующихся по социологической науке // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---001ucheb-00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheb&cl=CL1&d=HASH016ec4e84029e977155557cf.2> (дата обращения: 12.02.2011).

Кравченко А. И. Социология. Общий курс: учеб. пособие для вузов // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт URL: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00---001ucheb-00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheb&cl=CL1&d=HASHadb6a23d103a9d5e09742b.3> (дата обращения: 29.01.2011).

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. — М.: Русский язык, 2000. Т. 1.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеологических выражений. 3-е изд., стер. — М.: АЗЪ, 1995.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. — М.: Русский язык, 1985—1988.

Фролов С. С. Социология организаций // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---001ucheb--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-about---00031-001-1-0windowsZz-1251-00&a=d&c=01ucheb&cl=CL1&d=HASHcdf4306508eba614349d40.5.1> (дата обращения: 21.02.2011).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА

Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ред. от 09.07.1999, 25.07.

2002, 08.12.2003) // Уголовный кодекс Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/280/index.htm> (дата обращения: 24.02.2011).

Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ред. от 08.12.2003) // Уголовный кодекс Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/> (дата обращения: 26.02.2011).

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.07.2006, 10.05.2007, 24.07.2007, 29.04.2008) «О противодействии экстремистской деятельности» // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12127578.htm> (дата обращения: 20.02.2011).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова